

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом»

О митрополите Клименте Смолятиче — одном из образованнейших русских людей середины XII в. — известно мало. Сведения о нем можно найти только в летописи и в одном из его сочинений, а именно в послании Климента к некоему священнику Фоме. Изучением сочинений Климента Смолятича специально занимался Н. К. Никольский, посвятивший этой теме свою магистерскую диссертацию.¹ Н. К. Никольский сообщает следующие данные о Клименте: «Жизнь митрополита Климента Смолятича относится к половине XII в. и в истории получила известность вследствие необычных обстоятельств, сопутствовавших вступлению его на Киевскую митрополию. Родом русин, т. е. русский, из Смоленской области, он был уже зарубским схимником, когда по удалении митрополита Михаила II в Царьград (в 1145 г.) Киев достался переяславскому князю Изяславу Мстиславичу (после 13 августа 6654 г.). По воле последнего, хотя и вопреки желаниям Климента, он был выдвинут тогда кандидатом на открывшуюся кафедру. Выбор князя остановился на нем, вероятно, вследствие его богословских занятий, которым сочувствовал Изяслав. Но несмотря на княжескую поддержку, поставление Климента в сан митрополита встретилось с продолжительными церковными затруднениями, так как было связано с небывалою на Руси попыткой обойтись без благословения Константинопольского патриарха».² В дальнейшем положение Климента на митрополичьей кафедре было шатким, что особенно выяснилось после смерти Изяслава (1154 г.). До 1164 г. Климент, очевидно, занимал еще некоторое время митрополичью кафедру, а после названного года сведений о Клименте нет.

Известны следующие сочинения Климента:

1. Несколько ответов в так называемых «Вопросах Кирика» — ответы 21, 30, 38, 43, 4-й пункт 101-го вопроса.³
2. Поучение в неделю всех святых.⁴
3. Уже упомянутое выше «Послание, написано Климентом митрополитом руским Фоме презвитеру, истолковано Афанасием мнихом».⁵

¹ Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892 (далее: Никольский О литературных трудах).

² См.: Никольский. О литературных трудах, стр. II—III

³ Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц. — Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Изд. 2. СПб., 1908, стлб 21—62 (=РИБ, т. VI).

⁴ См.: Никольский. О литературных трудах, стр. II, 211—229.

⁵ См.: Никольский. О литературных трудах, стр. 103—136. — Известно два полных списка «Послания к Фоме» (ГПБ, Кир. № 134/1211, лл. 214 об.—231, и Собр. ОЛДП, F, № 91, лл. 186 об.—194; обе рукописи — начала XVI в.) и маленький фрагмент, также XVI в. (Собр. ОЛДП, F, № 191, л. 32 об.).

Именно это последнее сочинение и содержит сведения, на основании которых можно судить об образовании Климента и о причинах, по которым ему было присвоено прозвание «философа».

В начале своего послания Климент пишет следующее: «Почет писание, твоея любве, яже аще и медмено бысть, почюдихся. И в чин вспомяновения, приник зело, дивихся благо разумию твоему, возлюбленный ми о господе брате Фома. Имать писание твое наказание с любовью к нашему тщеславию, и таку с радостию прочет пред многими послухи и пред князем Изяславом, тобою преславное ко мне писание. И вину ми исповедавшу, его же ради пишеша, ты ж, любимиче, не тяжко мни, мною восписаную ти, хартию. Речеши ми, славишия пиша, философ ся творя, а первые сам ся обличаеши: егда к тебе что писах, но ни писах, ни писати имам, а речеши ми философею пишеша, а то велми криво пишеша, а да оставль аз почитаемаа писаниа. Аз писах от Омира и от Аристоля и от Платона, иже во Елинских нырех славне беша, аще и писах но не к тебе но ко князю, и к тому ж нескоро. А еже сожалил еси, оже ты есмь вменил, а бог сведетель, яко не искушаа твоего благо разумна, но яко просто писах, да аще того не моги еси разумети. То всеу приводиши на мя, учителей своего Григоря. Речеши бо, у Григоря беседовал есмь, о спасении душевнемь, а еда коли порекох, ли укорих Григоря, но еще исповедаю, яко не токмо праведен, но и преподобень, но аще дерзо рещи свят есть, но обаче того аще не учил ты, то, не веде, откуда хошеши поручившаяся тебе душа руководити, Григорю бо».

Из приведенного отрывка следует, что Климент «творил себя философом», т. е. считал и называл себя таковым, для чего одни из его современников не видели достаточных оснований и упрекали его в заносчивости, а другие именно так его называли — в Ипатьевской летописи сказано о Клименте, что он был «книжник и философ так, якоже в Руской земли не бяшетъ».⁶

Уже первый издатель сочинения Климента, Н. К. Никольский обратил внимание на то, что заключающиеся в этом отрывке сведения о прославленных писателях и мыслителях древней Греции незначительны, а потому вряд ли митрополит именно за эти сведения мог удостоиться прозвания философа; тут же Никольский высказал предположение о том, что Климент, возможно, «был знаком с подлинным или переводным текстом некоторых из сочинений греческих философов и поэтов», т. е. в какой-то мере был знаком с византийской образованностью. Мысль Никольского развил Е. Е. Голубинский в исследовании, посвященном следующему отрывку в «Послании» Климента.

«Поминаю же паки реченаго тобою учителя Григория, его же и свята рек не стыжюся, но не судя его хошу рещи, но и истинствуа. Григорей знал алфу, якоже и ты, и виту, подобно и всю 20 и 4 словес грамоту. А слышиши ты ю, у мене мужи, им же есмь самовидецъ, иже может един рещи алфу, не реку на сто или двесте или триста или четыреста, а виту також».⁷

По мнению Е. Е. Голубинского, в приведенном отрывке идет речь о знакомстве Климента и некоторых людей его круга («у мене мужи, им же есмь самовидецъ») с одним из важнейших разделов в византийском курсе грамотности, который назывался схедеографией (σχεδογραφία).⁸

⁶ ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908, столб 340 (по воспроизведению — М., 1962).

⁷ Никольский. О литературных трудах, стр. 126—127.

⁸ См.: Е. Е. Голубинский. Вопрос о заимствовании домонгольскими русскими от греков так называемой схедеографии, представлявшей у последних высший курс грамотности. СПб., 1904 (отдельный оттиск из ИОРЯС, т. IX, 1904, кн. 2,

Прежде чем перейти к истолкованию этого термина, следует сказать несколько слов о византийском образовании.

История образования в Византии изучена мало.⁹ Представление об империи, как о государстве, где церковь и императорская власть душили всякую мысль, где вся умственная и духовная жизнь народа была подчинена богословию и только богословию, есть представление широко распространенное, но не вполне правильное.

Византийская империя была единственным государством средневековой Европы, где не прекращалась традиция светского образования, где не только не делалось попыток полной ликвидации светского образования, но, напротив того, это светское образование неизменно находило поддержку как у светской власти, так и у наиболее просвещенных представителей духовенства. В первые века существования империи (IV—VI вв.) еще сохранялись многие старые центры просвещения, возникшие и процветавшие в античной Греции и в эпоху эллинизма; эти старые языческие центры просвещения прекратили свое существование не столько по воле христианских императоров, сколько в силу некоторых объективных причин, изменившихся условий. Акт лишения преподавателей высшей школы в Афинах государственного обеспечения, изданный императором Юстинианом в 527 г. и обычно толкуемый как акт ликвидации этой школы, имел целью не только борьбу с язычеством, но и концентрацию умственных сил в столице империи, укрепление авторитета этой столицы. Это было тем более необходимо, что на сто лет ранее, в 425 г., указом императора Феодосия в Константинополе был создан университет.

Высшая юридическая школа в Бейруте существовала до 551 г., когда город был разрушен землетрясением.¹⁰

В городах Сирии было несколько высших школ — в Амиде была медицинская школа, в Нисибии — университет, древнейший сохранившийся статут которого относится к концу V в. Деятельность этих учебных заведений прекратилась в первой половине VII в., когда Сирия была отторгнута от империи арабами.

Александрия также продолжала оставаться одним из центров просвещения в Византии вплоть до завоевания Египта арабами в 641 г.

стр. 49—59). (Далее: Голубинский. Вопрос о заимствовании); F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig—Berlin, 1926, SS. 45—46. (Byzantinisches Archiv, N. 8). (Далее: Fuchs. Die höheren Schulen); K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2, Aufl. München, 1897, S. 590 след.

⁹ Об образовании в Византийской империи см.: Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX в. М.—Л., 1961, (далее: Липшиц. Очерки), стр. 258—366; Н. В. Пигулевская. 1) Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 338—349; 2) Сирийская средневековая школа. — Палестинский сборник, вып. 15 (78), М.—Л., 1966, стр. 130—140; 3) История Нисибийской академии. — Там же, вып. 17 (80), Л., 1967, стр. 90—109; В. Преображенский. Восточные и западноевропейские школы во времена Карла Великого. СПб., 1881; Н. А. Скабалапович. Византийская наука и школы в XI в. — Христианское чтение, 1884, № 1, стр. 345—348; Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892; G. Buckler. Byzantine Education. — Byzantium. An Introduction to East Roman Civilisation. Ed. by Norman H. Baynes and H. St. L. B. Moss. Oxford, 1949, pp. 200—220; G. M. Hussey. Church and Learning in the Byzantine Empire. Oxford, 1937; H. J. Marrou. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. 2-me éd. Paris, 1950, pp. 448—452; M. Nilsson. Die hellenistische Schule. München, 1955; A. J. Festugière. Antioche païenne et chrétienne. Paris, 1959, pp. 181—240 (Bibliothèque des Ecoles Françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 194; Ф. Коухουλέ. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς. I. 'Εν Ἀθήναις, 1948, σ. 35—137.

¹⁰ См.: P. Collinet. Histoire de l'école de droit de Beyrouth. Paris, 1925.

Учрежденный Феодосием в Константинополе университет существовал (с некоторыми перерывами) на всем протяжении византийской истории. Подлинный расцвет этого учебного заведения наступает, как известно, с середины IX в., когда оно было возрождено (после перерыва в его деятельности в связи с борьбой между иконоборцами и иконопочитателями) кесарем Вардой; тогда к преподаванию были привлечены известные византийские ученые — Иоанн Грамматик, Лев Математик, патриарх Фотий.¹¹ В последующие века в константинопольском университете преподавали Михаил Пселл (1018—1096/97), Феодор Метохит (конец XIII—нач. XIV в.), Димитрий Триклиний (около 1280—1340), Максим Плануд (ум. около 1308) и другие.

В высшую школу приходили юноши, уже научившиеся читать и писать, знакомые с Библией и поэмами Гомера — главными учебными пособиями в Византии. Эти тексты надо было не только уметь читать, но и заучивать их наизусть, разбирать и объяснять с точки зрения грамматики и смысла отдельных слов.

Интересующая нас схеодография представляла собой, по словам Е. Е. Голубинского, «высший курс грамотности»; к этому надо, однако, добавить, что под словами «высший курс» не следует понимать «курс, относящийся к высшему образованию»; здесь имеется в виду высший подготовительный курс грамотности, один из разделов обучения грамматике, к которому переходили ученики, уже умевшие читать и писать. После ознакомления со схеодографией переходили к изучению диалектики, риторики и грамматики, т. е. к изучению наук, составлявших «тривиум».¹²

Схеодография состояла из упражнений орфографических и словарно-грамматических, в которых разбирались грамматические формы, а редкие слова объяснялись с помощью часто употребляемых слов; сюда же входили и шарады, т. е. игра, в которой слово разделяется на части, приобретающие самостоятельное смысловое значение. Таким образом, под схеодографией понимали и метод обучения, при котором грамматику изучали чисто практически на тут же читаемом тексте, и «филологическую игру», по выражению немецкого исследователя Ф. Фукса.¹³

При занятиях схеодографией учащиеся занимались не только грамматическим разбором слов, но также записывали «руководства к надлежащему разумению книжного языка, к правильному произношению и правильному писанию слов... Были изготовлены лексиконы слов синонимических и архаических, слов сомнительных в отношении к произношению или написанию, и лексиконы эти были диктуемы учителями ученикам или были проходимы первыми со вторыми в школах грамотности».¹⁴

Широко известно описание византийской школы первой половины XII в. в сочинении принцессы Анны Комниной «Алексиада»: «В училище, — пишет Анна, — предсидит некий учитель, а дети стоят кругом

¹¹ Липшиц. Очерки, стр. 258—366; Fuchs. Die höheren Schulen, passim. — Школа эта помещалась в Магнаврском дворце, а потому в литературе нередко называется Магнаврской школой, Магнаврским университетом, императорским университетом. Существовала также патриаршая высшая школа.

¹² R. Devreesse. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, pp. 218—248.

¹³ Fuchs. Die höheren Schulen, SS. 45—56.

¹⁴ Голубинский. Вопрос о заимствовании, стр. 3.

его, — одни, будучи приводимы в смущение вопросами грамматическими, другие же записывая так наз. сxedы». ¹⁵

Схедеографические лексиконы и упражнения сохранились в рукописях. Например, в греческой рукописи Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде № 58 содержится грамматическое сочинение автора конца XIII—нач. XIV в. Мануила Мосхопула «О сxedaх». Начинается это сочинение молитвой:

Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ ὁ θεὸς ἡμῶν, ὁ ἀσπύρωσ εὐδοκῆσας τεχθῆναι ἐκ τῆς ἀγίας θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, ταῖς πρεσβεταῖς αὐτῆς καὶ τοῦ χρυσοῤῥήμονος Ἰωάννου, φώτισον τὸν νοῦν τοῦ νέου τοῦ νῦν ἀρξαμένου τοῦ σχεдеоγραφεῖν, καὶ τὴν καταραχῆν ἐβλόγησον σχεδούς, т. е. «Господи Иисусе Христе, боже наш, благоволивший бессеменно родиться от святых богородицы и приснодевы Марии, молитвами ее и златословесного Иоанна, просвети ум юноши, ныне начинающего писать сxeda и благослови начаток сxeda». ¹⁶ Далее следует грамматический разбор отдельных слов, который для первых слов вышеприведенной молитвы выглядит следующим образом: «Господи Иисусе Христе, бог наш: сколько частей речи? Господи Иисусе Христе бог — имя (существительное); ὁ — артикль; наш — местоимение. Ибо два имени или много собираются в одно имя и составляют одну часть речи».

Примером древнерусского лексикона подобного рода служит «Азбука сотворена по алфе, еже есть по скоростихи, како которая буква азбука глаголется и на колико делится речъ и пословица и в колико сочетается». Вот как выглядят в этой «Азбуке» первые три буквы: А. Адам, Авраам, Ааронъ, агеос (ἀγιος — святой), афеос (ἄθεος — безбожный), алка, агав, агаряне, Аримафей, Алдав, асафатов. Б. Буди, буди, бур, бурак, болит, били, бити, битик (так!), бакан, бразда, белин, бежат. В. Варі, вări, вели, вінне, винé, вóзри, возрі, вўтре, внутрэ, вытек, ведати, все. ¹⁷

Выше мы видели, что оба исследователя сочинений Климента (Н. К. Никольский и Е. Е. Голубинский) пришли к выводу о том, что этот русский митрополит XII в. был в какой-то мере знаком с византийской образованностью.

Этот вывод, на наш взгляд, может быть в настоящее время подкреплен не только сведениями касательно византийской системы образования, но и на основании значения слова «философ» в византийской, славянской и русской письменности. ¹⁸ Слово φιλοσοφία («философия») многозначно; значение его несколько менялось с течением времени. ¹⁹ Слово это

¹⁵ Anna Comnena. Alexias. II. Ed. A. Reifferscheid. Bonn, 1878. Lib. XV. 7, pp. 342—350. — В русском переводе см.: Анна Комнина. Алексиада. Вступ. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 418.

¹⁶ Голубинский. Вопрос о заимствовании, стр. 7. — См. также в печатном издании (по списку ГПБ): Τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου Μανουήλου τοῦ Μοσχοπούλου περὶ σχεδῶν. Manuclis Moschopuli de ratione examinandae orationis libellus ex bibliotheca regia. Lutetiae, 1545.

¹⁷ См. И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1895, стр. 781—784 (=Исследования по русскому языку, т. I) (далее: Ягич. Рассуждения).

¹⁸ Некоторые соображения о знакомстве домонгольской Руси с византийской образованностью см. также: А. И. Пономарев. Св. Кирилл епископ Туровский и его поучения. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1, IV, СПб., 1894, стр. 90—94; П. Владимиров. Критико-библиографические заметки об изданиях и исследованиях по русской словесности за 1892 год. — Унив. изв., год 33, Киев, 1893, № 1, январь, стр. 15—31 (рецензия на книгу Н. К. Никольского о Клименте Смолятиче); M. Besobrasof. Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland. Leipzig, 1892.

¹⁹ См. А.-М. Malin grey. «Philosophia». Étude d'un groupe de mots dans la littérature grecque des présocratiques, au IV-e siècle après J.-C. Paris, Klincksieck, 1961.

означало любовь к мудрости, размышление, поиски знания или стремление к знанию, цивилизацию вообще, практическую мораль, а в отдельных случаях смыкалось в значении со словами «красноречие», «риторика». Слово *φιλόσοφος* («философ») означало мудреца, наставника в делах совести, образованного человека. В ранней христианской литературе оба слова сохраняют в общем свои прежние значения, но появляются и новые оттенки — философия как часть богословия, философствовать — комментировать тексты Священного писания.²⁰

Понимание выражения «жизнь философская» как «жизнь во Христе», жизнь в соответствии с нормами христианской религии, является лишь развитием языческого понимания слова «философия» как практической морали.

В сочинениях христианских писателей (Григория Богослова, Василия Великого и Иоанна Златоуста) возникает разделение христианской философии — *ἡ ἡμέτερα φιλοσοφία*, *ἡ καθ' ἡμᾶς φιλοσοφία* («наша, у нас философия») и светской, языческой философии или мудрости — *ἡ ἔξω, ἔξωθεν φιλοσοφία* («внешняя философия»).²¹

Со временем возникает и значение слова *φιλόσοφος* — «монах», а *φιλοσοφία* нередко с эпитетом *πνευματικῆ* («духовная»), становится равнозначной понятию монашеская жизнь, духовная жизнь. Впервые в христианской письменности такое понятие слова *φιλοσοφία* подробно развито в сочинениях Нила, игумена монастыря близ Анкиры, известного в русской и славянской письменности под именем Нила Синайского; Нил жил на рубеже IV и V вв., умер около 430 г. Он называет монашеский образ жизни «духовной философией» и считает обязанностью христианина «философствовать во Христе» — *φιλοσοφεῖν κατὰ Χριστόν*.²²

В византийскую эпоху (а возможно и несколько ранее) значение слова «философ» как «образованный человек» приобретает новый оттенок — философ есть человек, получивший образование, прошедший известную выучку, школу.

Лица, окончившие высшую Магнаврскую школу, получали право преподавания и звание «философа», равноценное званию учителя.²³ Во главе философского факультета высшей школы в Константинополе в XI—XII вв. стоял ипат (консул) философов — *ὑπάτος τῶν φιλοσόφων*. Однако не все эти философы становились педагогами. Многие из них поступали в придворный штат императора, где вместе с «риторами» (каковое звание также получали некоторые из кончающих высшую школу) образовывали влиятельную группу чиновников, к мнению которых не-

²⁰ Не с этим ли оттенком в значении разбираемого слова находится и появление известной поговорки: *philosophia — ancilla theologiae*?

²¹ Любопытно было бы проследить в древнерусских текстах выражения «внешняя мудрость», «внешнее знание» как отражение византийского понятия *ἡ ἔξω παιδεία* — «внешнее образование».

²² Видимо, именно по этой причине в средневековой письменности Нилу иногда усваивается эпитет «философ». О Ниле Синайском см.: J. Quasten. *Patrology*, v. III. Utrecht. Antwerp., 1960, pp. 496—504.

²³ См.: Fuchs. *Die höheren Schulen*. SS. 18, 20 и др.; Н.-Q. Векк. *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1959, S. 529. — Оттенок этого значения слова «философ» можно видеть у Даниила Заточника в следующих словах его: «Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся» (см.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. — Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Л., 1932, стр. 33). Напомню, что лица, оканчивающие университет в Западной Европе, и в настоящее время получают степень «доктора философии».

редко обращался император.²⁴ Этим философам и риторам свойственно было кичиться своим званием, что приводило к насмешкам над ними. Свидетельства подобного рода имеются в византийской сатирической литературе; самым ярким примером может служить басня «Рассказ о четвероногих»,²⁵ где роль философа, образованного лица, выполняет лисица, над заносчивостью которой глумятся другие животные.²⁶

В древней славянской и русской письменности слово «философ» употребляется чаще всего в значении «ученый, образованный человек»; именно в этом значении, например, назван философом князь Владимир Василькович²⁷ или не названный по имени философ — пришелец из Византии, который беседовал о вере с князем Владимиром.²⁸

Философами в «Повести о Евфросине Псковском» назван противник Евфросина некий Иов Столп и доверенное лицо этого Иова — Филипп «роздьякон» и какой-то неизвестный священник.²⁹ Философом в этом смысле слова назван и Феофан Грек.³⁰

Я полагаю, что существует другая группа лиц, получивших прозвание философа по окончании высшей школы в Константинополе; но этот оттенок интересующего нас слова в славянской и русской письменности был неизвестен, а потому эпитет «философ» в применении и к этим лицам стал восприниматься только в значении мудреца, ученого человека. Таков прежде всего первоучитель славян Кирилл Философ, о котором положительно известно, что он учился в Магнаврской школе. Но имя Кирилла Философа благодаря его подвигу — изобретению славянской азбуки — было столь чтимо, окружено таким благоговением, что чисто внешнее условие, по которому ему это прозвание было усвоено, оказалось забытым; слово «философ» было понято только в смысле мудрец, любитель мудрости, ученый человек.

Вторым к этой же группе лиц считаю возможным отнести чернеца Малахию Философа. В Троицкой летописи под 6689 (1381) г. помещено следующее известие: «Того жь лета Дионисий, епископ Суждалской, посла изо Царягорода с чернецом Малахием с Философом икону, переписав образ пречистыа божия матери, иже исходит в Одигитриа во вторник, в тот же образ в долготу и в ширину, а другую икону посла образ тое же пречистыа божия матери, юже преписавше и привезоша на Русь, и едину убо поставиша в церкви в святом Спасе в Новгороде в Нижнем, а другую поставиша в Суждали в соборной церкви». Никаких сведений об этом Малахии в источниках больше нет. В Псалтири Госу-

²⁴ Возможно, что именно в этом смысле «Повесть временных лет» употребляет слово «философы» в известном отрывке об отправке учителя в Моравскую землю: «Се слышав царь Михаил и созва философы вся и сказа им речи Словенских князь, и реша философы» — т. е. советники при дворе византийского императора Михаила III (ПСРЛ, т. I, изд. 2, Л., 1926, стр. 26; по воспроизведению — М., 1962).

²⁵ В русском переводе см.: В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.), — ВВ, т. IX, М.—Л., 1956, стр. 225—227.

²⁶ См. Н.-Г. Векк. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. 58, München, 1965, SS. 11—45; Fr. Dölger. Zur Bedeutung von φιλοσοφος und φιλοσοφια in Byzantinischer Zeit. — В сб.: Fr. Dölger. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Eital, 1953, SS. 197—208.

²⁷ ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908, стр. 913 (по воспроизведению — М., 1962).

²⁸ Там же, стр. 74—101.

²⁹ См.: Повесть о Евфросине Псковском. — В сб.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 4, СПб., 1868, стр. 81—85.

³⁰ См. В. Н. Лазарев Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 113—114. — За это указание приношу благодарность О. А. Белобровой. Настоящая работа принимает во внимание только тех «философов», которые известны в славянской и русской письменности до второй половины XV в., т. е. до падения Византийской империи.

дарственной Публичной библиотеки под шифром греч. № 115 удалось обнаружить (с помощью специальных снимков) стертую надпись, из которой выясняется, что эта рукопись принадлежала чернецу Малахии Философу: «Псалтырь ничтожного и грешного Малахии иеромонаха и наместника Владимира Верхней России Московской. И вы, читающие, молитесь за меня господу, чтобы обрел милость в страшный день суда». Следовательно, отправляясь на Русь, Малахия взял с собой также и свои книги, а не только иконы. Его прозвище «Философ» указывает, что Малахия этот был высокообразованным человеком. На Руси Малахия жил долго — в актах Нижегородского Благовещенского и Владимирского Царево-Константиновского монастырей 1399—1446 гг. упоминается архимандрит Малахия, которого я считаю возможным сопоставить с чернецом Малахией Философом Троицкой летописи и с владельцем указанной Псалтири иеромонахом Малахией. Малахия этот прожил на Руси около 60 лет, следовательно, уехал из Царьграда молодым человеком; но уже тогда, будучи совсем юным, он имел прозвище «Философ», каковое мог заслужить лишь по окончании Константинопольского университета.³¹

Третьим из этой группы назову митрополита Климента Смолятича, который, как сказано выше, был знаком с византийской образованностью. Допустимо предположение, что Климент учился в Константинополе, там подобно другим учащимся привык именовать себя философом, гордился этим прозванием.³² На Руси же считали, что Климент незаслуженно присваивает себе столь высокое звание, которое в русской практике понималось в прямом значении данного слова, да вдобавок ассоциировалось с именем Константина — Кирилла Философа; повседневная же византийская практика употребления слова «философ» не была известна на Руси.

Известны также три лица, которым прозвание «философ» было присвоено по сходству их имен и характера их деятельности с именем и подвигом Константина-Кирилла. Лица эти следующие:

1. Епископ Преславский Константин (конец IX—нач. X в.), автор «Учительного евангелия», «Азбучной молитвы», службы Мефодию, Хронологических таблиц (так называемые Историки); в рукописях этот Константин иногда называется философом, очевидно по вышеуказанной причине. Сведений об этом Константине сохранилось мало.³³

2. Константин Костенечский, грамматик и философ (около 1380—после 1431), автор грамматических сочинений. По мнению болгарского исследователя К. Куева, Константина называли философом за его ученые познания.³⁴

3. Стефан Пермский, просветитель зырян, создатель зырянской азбуки. Автор жития Стефана пишет, что некоторые из свидетелей

³¹ См. мою работу «Чернец Малахия Философ» (Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1962, стр. 69—70), где указана остальная библиография о Малахии.

³² К этому же взгляду, как сказано, были близки Н. К. Никольский и Е. Е. Голубинский, однако сделать окончательный вывод к тому и другому помешало современное им состояние византиноведения, когда о системе византийского образования было известно немного.

³³ См.: История на българската литература. Т. I. Старобългарска литература. Под ред. на В. Велчев, Е. Георгиев, П. Динев. София, 1962, стр. 112—126; И. Я. Порфирьев. Описание рукописей Соловецкой библиотеки, ч. 1. Казань, 1881, стр. 698—699.

³⁴ См.: К. Куев. Konstantyn Kostenecki w literaturze bulgarskiej i serbskiej. Kraków, 1950 (Biblioteka Studium Słowianskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego, Seria n° 5); см. также: История на българската литература, т. I, стр. 315—325; Ягич. Рассуждения, стр. 366—381. — Род занятий этого Константина — грамматика, вопросы языкознания — мог напоминать современникам деятельность Константина-Кирилла.

подвига Стефана спрашивали: «Како сей умееть книги Пермския доспети, и откуду сему дана бысть премудрость?». На этот вопрос следовал ответ: «Се есть воистину философ новый», с дальнейшим рассказом об изобретении славянской азбуки Кириллом Философом. Как видим, в житии Стефана Пермского прямо указывается на сходство его деятельности с деятельностью первоучителя славян.³⁵

Остается не вполне ясным, почему прозвание философа не было присвоено болгарскому царю Симеону, о котором доподлинно известно, что он учился в высшей школе Магнаврского дворца. Скорее всего, современники и близкие к эпохе Симеона авторы не считали возможным употреблять в отношении царя слово, которое хотя и свидетельствовало о мудрости царя, но не носило характера титула. Ведь и византийского императора Льва VI Мудрого (886—911) чаще называют «мудрым» (σοφός) и реже «философом» (φιλόσοφος).³⁶

³⁵ См.: Епифаний Премудрый. Повесть о Стефане епископе Пермском. — В сб.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 4, СПб., 1862, стр. 151—156.

³⁶ См., например: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, 2. Aufl. Berlin, 1958 SS. 400—409.